

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

А. В. Мартынюк

КРИЗИС СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: КНИГА И СТОЯЩАЯ ЗА НЕЙ ПРОБЛЕМА

Рассматривается книга английского историка Дж. Феннела и ее влияние на современную российскую историографию. Под «кризисом» Дж. Феннел понимал ослабление княжеской власти и утрату Киевом роли ведущего политического центра древнерусских земель. Предлагается более широкая трактовка данного термина — как системного кризиса, затронувшего в XIII в. все стороны жизни Средневековой Руси. Намечаются основные параметры этого кризиса: политический, династический, военный, экономический, культурный, религиозный, ментальный. Такой подход позволяет связать воедино явления в разных областях жизни средневекового древнерусского общества в XIII—XIV вв. и увидеть общую картину развития Руси.

The article is dedicated to a book of English historian J. Fennell and the influence of his approach on the development of modern Russian historiography. Under the term “crisis” J. Fennell primarily considers the weakening of ducal power and decay of Kiev as primary political center of Russian lands. The author provides to the term a wider interpretation — it seems to be treated as a systemic crisis that affected all the aspects of life in Rus of 13th century. The basic parameters of the crisis are as follows: political, dynastic, military, economic, cultural, religious, mental. Suggested approach makes possible to tie together the events from the different life spheres of medieval Russian society in the 13th—14th centuries and recognize the overall picture of the development of Russian lands.

Ключевые слова: Средневековая Русь; кризис; монгольское нашествие; развитие русских земель.

Keywords: Medieval Rus; crisis; Mongol invasion; the development of the Russian lands.

Книга английского историка Джона Феннела «Кризис Средневековой Руси. 1200—1304» не нуждается в представлении. Она вошла в «обязательный список» работ по истории древнерусских земель в XIII в. [13]. Вышедшая в 1983 г., она сравнительно быстро была переведена на русский язык и стала доступна советскому читателю уже в 1989 г. Это было чрезвычайно удачное время для выхода книги: период возрастающего общественного интереса к истории и переоценки прошлого. Работа была снабжена развернутой вступительной статьей и приложениями, которые подготовили советские историки А. Л. Хорошкевич, А. И. Плигузов, Л. И. Лифшиц с целью «дать читателю максимум непредвзятых сведений, дополняющих и кое-где поправляющих выводы известного западного ученого» [13, с. 27]. По объему (80 страниц) и качеству текста вступительную статью и приложения можно рассматривать как самостоятельное исследование с источниковедческим акцентом и критикой взглядов английского автора. По свидетельству А. Л. Хорошкевич, такой критический «конвой» (с соответствующим подтекстом) издания вызвал непонимание некоторых коллег-историков [15].

Мартынюк Алексей Викторович — докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: a.martyniuk@mail.ru

Однако вначале столь критично встреченная работа быстро заняла свое место в историографии истории Средневековой Руси (здесь и далее под термином *Русь* и производными от него понимается та культурно-историческая общность, которая послужила общей основой для формирования современных восточнославянских наций — русских, украинцев и белорусов). Более того, книга Дж. Феннела превзошла многие направления развития российской историографии 1990-х и 2000-х гг. В качестве примера можно назвать такие темы, как: попытка пересмотра (в сторону уменьшения) масштабов и последствий монгольского нашествия на Русь в 1237—1240 гг., критическая переоценка деятельности А. Невского, перенос внимания от Москвы на другие политические центры Руси и др. Таким образом, перевод книги оксфордского историка-слависта оказался чрезвычайно продуктивным и вызвал своеобразный «резонанс» в российской историографии. В меньшей степени работа Дж. Феннела повлияла на украинскую историографию: хотя он и уделяет значительное внимание истории Южной Руси накануне монгольского нашествия, но почти не затрагивает развитие Галицко-Волынской земли во второй половине XIII в. Но именно эта тема стала после 1991 г. приоритетной для украинской историографии, восстановившей свою преемственность от М. С. Грушевского. Невостребованным оказался Дж. Феннел и в белорусской медиевистике, для которой средневековая история до середины XIII в. — это история Полоцкого и (в меньшей степени) Туровского княжеств, а после этого рубежа — история Великого княжества Литовского (ВКЛ). Вероятно, для белорусской историографии более важным был бы перевод другой книги Дж. Феннела — «Возвышение Москвы. 1304—1359», где проблематике становления ВКЛ уделено достаточное внимание [18]. Остается только пожалеть, что столь удачный «трансфер идей» в случае «Кризиса Средневековой Руси» не привел к переводу других работ Дж. Феннела — упомянутой выше книги о возвышении Москвы, об Иване III и др. [17].

Под «кризисом» Дж. Феннел понимал, прежде всего, изменения в политической системе средневековой Руси: ослабление княжеской власти, утрату Киевом роли ведущего политического центра, усиление процесса политической дезинтеграции древнерусских земель и т. д. В такой трактовке наблюдения английского историка получили дальнейшее развитие в историографии. Однако, на наш взгляд, поднятая Дж. Феннелом проблема значительно шире, а предложенная им парадигма *кризиса Средневековой Руси* позволяет увидеть как *системное явление* многие стороны жизни древнерусского общества XIII—XIV вв., которые до сих пор рассматривались изолированно. В рамках данной статьи мы попытаемся наметить основные параметры этого кризиса. Ограничимся отсылками лишь к наиболее значимым работам.

Политический кризис. Политическая история древнерусских княжеств — одна из «классических» тем российской историографии. Собственную глубокую традицию имеет и изучение истории взаимоотношений Руси и Орды. Однако на момент выхода книги Дж. Феннела в советской историографии безраздельно господствовала марксистская парадигма — преобладание социально-экономической проблематики. Книга Дж. Феннела — одна из первых работ, вернувших политической и «событийной» истории ее законное место в изучении Средневековой Руси. В последующие годы тема политической истории XIII—XIV вв. и русско-ордынских взаимоотношений стала одной из приоритетных в российской историографии. Следует отметить работы А. А. Горского: как кажется, многие из активно разрабатываемых им тем являются прямым или косвенным откликом на «вызовы Феннела». Таковы, например, внимание к большой войне в Южной Руси накануне монгольского нашествия, к проблематике развития региональных центров (Брянского княжества) и др. [1; 3]. В украинской медиевистике приоритетное направление получили исследования истории Галицко-Волынского княжества, в белорусской — тема становления ВКЛ и взаимодействие в нем балтских и восточнославянских элементов. В обоих случаях можно говорить о формировании новых исследовательских школ. Для всех трех восточнославянских историографий характерен решительный отход от «москвоцентричных» схем исторического развития Восточной Европы и от

доминирования социально-экономической проблематики (в чем можно увидеть определенное влияние идей Дж. Феннела). Это одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной восточноевропейской медиевистики.

Династический кризис. С политической проблематикой тесно связан династический аспект кризиса древнерусского общества, который еще не стал предметом специального рассмотрения. Историки свободно оперируют категориями «Рюриковичи» и «Гедиминовичи», следят за их перемещениями с одного княжеского стола на другой, прослеживают генеалогию родов и пр. При этом за пределами внимания до сих пор остается сам факт столь резких изменений во взаимоотношениях власти и общества. Появление литовских князей (часто язычников!) на княжеских столах в древнерусских городах — это не просто замена одного правителя на другого, это полный слом политической системы Древней Руси, в рамках которой Русская земля рассматривалась как коллективное владение потомков Рюрика [12, с. 77, 83—84, 180].

По-видимому, монгольское нашествие и последовавшее за ним признание верховного сюзеренитета Орды нарушило какие-то базовые принципы взаимоотношений потомков Рюрика с обществом Руси. Важно отметить и обратный процесс, а именно попытки князей обосноваться за пределами Русской земли: Ростислава Михайловича в Мачве (со второй половины 1240-х гг. и до смерти этого князя около 1262 г.), Романа Даниловича в Австрии (1252—1253 гг.) и Шварна Даниловича в Литве (около 1267—1269 гг.). Данное явление не имеет аналогов в истории «домонгольской» Руси: тогда князья хоть и неоднократно оказывались за границами княжеств (например, в ссылке в Византии), но не стремились обосноваться там надолго (единственное известное нам исключение — судьба князя Юрия, сына Андрея Боголюбского, который в конце XII в. вел борьбу за престол Грузии). Отнюдь неслучайно, что все вышеназванные случаи относятся к середине XIII в. — времени резкого слома существующей политической системы, своеобразной «точки бифуркации» для дальнейшего развития.

Военный кризис. Военный аспект монгольского нашествия на Русь в 1237—1240 гг. и последующих ордынских набегов — еще одна из традиционных тем российской историографии, имеющая долгую историю. Книга Дж. Феннела оказалась одной из первых попыток пересмотреть в сторону уменьшения вопрос о масштабе и последствиях монгольского нашествия на Русь. По этому пути последовали затем многие другие историки. Однако эти попытки нельзя признать удачными. Трудно поставить под сомнение однозначные свидетельства письменных источников и красноречивые материалы археологических раскопок. При всех своих недостатках продолжают сохранять свое научное значение работы В. В. Каргалова, систематизировавшего и показавшего масштаб татарских набегов на Русь [5].

Хотя устоявшаяся в историографии точка зрения о характере и последствиях монгольского нашествия и не была еще профессионально пересмотрена в научной литературе, работа Дж. Феннела оживила дискуссию по этой тематике. Проблема русско-татарских контактов в военной сфере имеет и другое измерение — процесс «ориентализации» вооружения русских воинов и способов ведения войны. Начало этого процесса под 1252 г. фиксируется в рассказе Галицко-Волынской летописи о том, как «немцы дивились оружию татарскому» князя Даниила Романовича Галицкого и его воинов [8, стб. 814]. Дальнейшее развитие этот процесс получил в XIV—XV вв., а в начале XVI в. имперский посол Сигизмунд фон Герберштейн застал и описал ориентальный облик воинов-московитов. Мы не рассматриваем этот процесс как априорно негативный, однако он свидетельствует о резкой трансформации и разрыве традиции в этой важной для жизни средневекового общества сфере. При обилии отдельных работ само явление еще не получило полноценного анализа в историографии.

Экономический кризис. Вопрос об экономических последствиях монгольского нашествия был поставлен в классической работе Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», констатировавшего исчезновение на Руси многих отраслей ремесленного производства после нашествия [10]. Интересно отметить, что эта ранняя книга (опубликована в 1948 г., а защищена в

качестве докторской диссертации еще раньше — в 1942 г.) видного советского историка остается, наверное, единственной его крупной работой, которая не подверглась острой критике в современной историографии и выводы которой сохраняют свое научное значение.

Современные археологические исследования фиксируют целый комплекс трансформаций в экономической жизни земель Руси XIII—XIV вв.: изменения в структуре поселений (перенос их в более отдаленные, но менее пригодные для земледелия места), изменение рациона питания (в сторону его ухудшения), сворачивание внешней торговли и т. д. [9]. По-видимому, монгольское нашествие и последовавшее за ним установление власти Орды запустили долгосрочный процесс регресса в экономической (и тесно с ней связанной социальной) сфере жизни Руси. Как и все предыдущие аспекты, эти вопросы требуют дальнейшего изучения с учетом общего контекста ее развития.

Культурный кризис. Признаки культурного упадка в XIII—XIV вв. многообразны: от прямого уничтожения культурных ценностей во время монгольского нашествия 1237—1240 гг. и последующих татарских набегов до косвенных их последствий (например, стагнации каменного строительства даже на тех землях, которые не были напрямую этими набегами затронуты). Именно на этот период приходится разрыв связей с традиционными «культурными партнерами» Руси — Византией, Скандинавией, странами Центральной и Восточной Европы (см. ниже). Важно отметить, что этот разрыв отнюдь не был компенсирован «обращением к Востоку», несмотря на столь популярный в околоисторической публицистике тезис о евразийском характере взаимоотношений Руси и Орды.

Историка поражает скупость сведений древнерусских источников о восточных соседях, несмотря на то что князья в XIII—XV вв. многократно ездили в Орду (а в середине XIII в. — вплоть до Каракорума). Эти контакты практически никак не отразились в источниках: достаточно сравнить стереотипные летописные записи — «пошел в Орду», «пришел из Орды» — с сочинениями европейских путешественников Иоанна де Плано Карпини, Вильгельма Рубрика и др. Кажется, что какая-то «стеклянная стена» отделяла Русь от Орды. На эту специфику древнерусских литературных памятников обращал свое внимание Д. С. Лихачев: «Смею утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком. Их значительно меньше, чем связей с Востоком в Испании, Италии, Франции, Греции, чем у южных и западных славян. Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью Древней Руси по отношению к Азии» [6, с. 7]. Данная проблематика еще не стала предметом специального изучения.

Религиозный кризис. Тесно связан с культурным религиозный аспект кризиса, проявившийся как во внутрицерковной жизни Руси (см. ниже фрагмент проповеди епископа Серапиона), так и в сфере межконфессиональных взаимоотношений. Исследования Б. Н. Флори показали, что именно на середину XIII в. приходится углубление конфессионального раскола Европы, в результате которого «Русь оказывалась частью враждебного, нехристианского мира...» [14, с. 212]. Не последнюю роль сыграло в этом то обстоятельство, что земли Руси оказались под властью иноверцев — литовцев и татар, что способствовало закреплению устойчивого стереотипа о «язычниках и схизматиках», угрожавших с востока латинской Европе. В итоге граница между Русью и ее западными соседями стала не только политической и конфессиональной, но и цивилизационной. Отдельного исследования заслуживает тема специфики контактов православного восточнославянского населения с литовским язычеством в XIII—XIV вв., которая в отличие от проблематики взаимоотношений и взаимовосприятий с татарами еще не становилась предметом специального рассмотрения. Источников для изучения этой темы сохранилось немного (летописи, памятники Константинопольского патриархата и др.), но все же не настолько, чтобы совсем исключить возможность ее изучения.

Ментальный кризис. Наиболее сложной, но в то же время чрезвычайно интересной является проблема изменений в ментальных установках древнерусского общества. Чтобы сделать

наглядной постановку вопроса, обратимся к двум литературным памятникам, которые хронологически весьма близки друг другу, но при этом разделены своеобразной пропастью. Первый памятник, получивший в научной литературе условное название «Слово о погибели Русской земли», сохранился в двух списках XV и XVI вв. В обоих случаях как предисловие к житию Александра Невского. Высказанное издателями в приложении к книге Дж. Феннела мнение о принадлежности памятника XV в. следует оценить как недостаточно обоснованное [13, с. 268—269]. Предполагается, что «Слово» является началом не дошедшего до наших дней самостоятельного произведения и было написано накануне монгольского нашествия. Этот небольшой по объему, но яркий и выразительный гимн родной земле является одним из лучших образцов древнерусской литературы, который заслуженно сопоставляют со «Словом о полку Игореве». Перевод на современный русский язык позволяет ощутить интенцию произведения: *«О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»* [7, с. 131].

В качестве своеобразной реплики на эти строки можно рассматривать пять слов-поучений владимирского епископа Серапиона (ум. 1275), созданных уже после монгольского нашествия. Написанные простым, но вместе с тем живым и эмоциональным языком, они содержат яркие картины жизни второй половины XIII в. Приведем один из фрагментов, тоже в переводе на современный русский язык: *«Разрушены божьи церкви, осквернены сосуды священные, честные кресты и святые книги, затоптаны священные места, святители стали пищей меча, тела преподобных мучеников птицам брошены на съедение, кровь отцов и братьев наших, будто вода в изобилие, насытила землю, сила наших князей и воевод исчезла, воины наши, страха исполняясь, бежали, множество братий и чад наших в плен увели; многие города опустели, поля наши сорной травой поросли, и величие наше унизилось, великолепие наше сгнуло, богатство наше стало добычей врага, труд наш неверным достался в наследство, земля наша попала во власть иноземцам: в позоре мы были живущим окрест земли нашей, в посмеяние — для наших врагов, ибо познали, будто небесный дождь, на себе гнев господень!»* [7, с. 447—449].

Перед нами не только свидетельство очевидца о тяжелых последствиях монгольского нашествия, но новая картина мира, свидетельствующая о глубоких изменениях в ментальности людей того времени. На смену позитивному, оптимистическому восприятию окружающей действительности, свойственному Древней Руси, приходят эсхатологические ощущения и чувство отгороженности от внешнего мира. Выводы из простого сопоставления двух текстов нужно делать крайне осторожно. Однако резкая смена ментальной парадигмы ощущалась многими специалистами, посвятившими себя изучению русского Средневековья. Историк С. М. Соловьев так писал об этом явлении на примере языка летописей: *«Нет больше живой, драматической формы рассказа, к какой историк привык в южной летописи; в северной летописи действующие лица действуют молча; воюют, мирятся: но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча»* [11, с. 621]. Фактически С. М. Соловьев говорит о переменах в ментальности — разумеется, не употребляя этого слова.

К сожалению, популярность «ментальной» тематики, а скорее даже «ментальной риторики», в историографии 1990-х и 2000-х гг. не привела к появлению серьезных работ. Среди специальных исследований, посвященных данной проблематике, можно назвать лишь небольшую, но чрезвычайно удачную книгу А. А. Горского [2]. Ближе к этой теме подходят И. Н. Данилевский и А. Л. Юрганов [4; 16].

Подведем итоги. XIII в. стал одной из наиболее драматических страниц истории Средневековой Руси. Ее историческое развитие было насильственно прервано монгольским нашествием, которое разделило историю на домонгольский и послемонгольский периоды. Монография Дж. Феннела до сегодняшнего дня остается одним из немногих обобщающих исследований политической истории Руси на протяжении всего XIII в., начало и конец которого часто отходят в глазах историков к разным эпохам (это видно по подзаголовкам книг и хронологических рамок конференций: «до середины XIII века» и т. п.). Удачно выбранное английским автором название книги позволяет подняться над отдельными темами и осмыслить это столетие как начало эпохи *системного кризиса Средневековой Руси*.

Такая постановка вопроса представляется нам чрезвычайно продуктивной, поскольку она способна связать воедино явления в разных областях общественной жизни — политической, династической, военной, социально-экономической и культурной, а также в области ментальности. Однако кризис — это не только упадок, но и перелом, переходное состояние, поиск новых путей развития общества. Кризис Средневековой Руси в XIII в. завершил «древнерусский» этап истории восточнославянского общества и открыл путь к формированию политических, культурных и этноконфессиональных реалий в период позднего Средневековья и раннего Нового времени. Представляется, что данная проблематика в целом и отдельные ее аспекты в частности заслуживают специального исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV вв.: Пути политического развития. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. 128 с.
2. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья. М.: Языки славян. культуры, 2001. 176 с.
3. Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славян. культуры, 2004. 392 с.
4. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 399 с.
5. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М.: Высш. шк., 1967. 264 с.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
7. Памятники литературы Древней Руси: XIII век / под ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. 616 с.
8. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. Т. II: Ипатьевская летопись. 938 стб. + 108 с.
9. Русь в XIII веке: древности темного времени / сост.: В. Ю. Коваль, И. Н. Кузина. М.: Наука, 2003. 406 с.
10. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 802 с.
11. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: соч.: в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. II. 765 с.
12. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
13. Феннел Дж. Кризис Средневековой Руси. 1200—1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
14. Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М.: Православ. энцикл., 2007. 528 с.
15. Хорошкевич А. Л. Памяти Андрея Ивановича Плигузова [Электронный ресурс] // Исторический блог А. Л. Хорошкевич. URL: <https://sites.google.com/site/istoriceskijblogalhoroskevich/pamati-andreianovica-pliguzova> (дата обращения: 30.09.2015).
16. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
17. Fennell J. Ivan the Great of Moscow. London: MacMillan, 1961. 386 p.
18. Fennell J. The Emergence of Moscow. 1304—1359. Berkeley: University of California Press, 1968. 352 p.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2015 г.